

члены комиссии, ни члены Отделения не нуждаются в ободрении высказать открыто правду по настоящему вопросу, и думаю, что если бы князь Б. Б. Голицын сам был несколько более осведомлен о пользе, приносимой вивисекциями, и был знаком с теми методами, которые употребляются в настоящее время при опытах над животными, то он сам счел бы свое предложение лишним, а равно и свою окончательную формулировку постановления Академии ¹⁷.

В результате этих дебатов заседание утвердило как окончательный последний, подробный доклад Ф. В. Овсянникова, смысл которого, впрочем, сводился все к тем же изначальным лаконично и четко сформулированным тезисам. По просьбе Б. Б. Голицына, высказанной в следующем заседании, было сделано лишь одно добавление – указание на то, что баронесса Мейендорф не могла заранее ознакомиться с заключениями медицинских факультетов, так как они сразу же были направлены в Академию наук, а потому и обвинять ее в напрасном беспокойстве уважаемого академического общества нельзя ¹⁸. Это заключение и было передано в Министерство внутренних дел.

Так завершилась история не принятого в России закона, ограничивающего вивисекции. Несмотря на то что публикационная деятельность РОПЖ продолжалась и после 1906 г., никаких серьезных попыток оградить подопытных животных от жестокого обращения со стороны ученых-экспериментаторов антививисекционисты не предпринимали вплоть до конца существования РОПЖ.

Следует сказать, что Россия до сих пор остается одной из немногих стран, где права лабораторных животных законодательно никак не защищены. В то время как в других странах, где антививисекционисты точно так же не добились результатов в XIX в., уже давно вступил в силу ряд национальных законодательств, основанных на Европейской конвенции от 18 марта 1986 г. и Директивах Совета ЕЭС от 24 ноября по защите животных, используемых в экспериментальных целях ¹⁹.

¹⁷ Протоколы заседаний Физико-математического отделения... Заседание № 3 от 8 февраля, § 73.

¹⁸ СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1906. Д. 7. Л. 27–32.

¹⁹ См.: *Копаладзе Р. А.* Регламентация экспериментов на животных – этика, законодательства, альтернативы. Обзор. М., 1998.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Г. Г. КРИВОШЕИНА

А. П. БОГДАНОВ – ИСТОРИК И ЛЕТОПИСЕЦ МОСКОВСКОЙ НАУКИ

Сейчас об Анатолии Петровиче Богданове кроме историков науки вспоминают разве что сотрудники некоторых московских музеев, а между тем в последней трети XIX в. его имя не сходило со страниц русских газет. Одни авторы хвалили его и писали восторженные отзывы об организованных им в Москве научных выставках и о деятельности созданного по его инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), которое иначе как «Богдановским» не называли. Другие в резкой форме критиковали начинания Богданова и посвящали ему язвительные фельетоны вроде чеховских «Фокусников». Но все сходились на том, что Богданов обладал удивительными организационными способностями: он брался за дела, которые никому другому были не под силу, и всегда доводил их до конца. Московские акклиматизационные выставки (1858, 1863), Русская этнографическая (1867), Политехническая (1872), Антропологическая (1879) и другие выставки, международные конгрессы – по антропологии (1879), доисторической археологии (1892) и зоологии (1892), Музей прикладных знаний (Политехнический) и Дашковский этнографический музей, кафедра и музей антропологии при Московском университете – это неполный перечень того, чем Москва была обязана Богданову.

За этими масштабными событиями в тени остается научная и преподавательская деятельность Богданова в Московском университете, которому он отдал 38 лет своей жизни (не считая времени учебы). И если его заслуги в создании московской школы антропологии общепризнаны, то научная ценность его вклада в развитие зоологии неоднократно подвергалась сомнению или полностью отрицалась. Как и почему сложилось такое мнение, и насколько объективным его можно считать, мы здесь касаться не будем¹. Отметим лишь следующее. Действительно, Богданов почти не оставил оригинальных зоологических исследований. Большинство его работ носило компилятивный или прикладной характер. Но если для зоологов они и не представляют особого интереса, то с точки зрения историка науки содержат любопытнейший материал, относящийся к развитию естествознания в России.

Богданова называют «одним из первых историков отечественной зоологии»². Райков по этому поводу замечает: «Наряду с Бэрм Богданов является

¹ Частично эти вопросы рассмотрены в: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.–Л., 1959. Т. 4; *Кривошеина Г. Г.* Либералы и консерваторы в Московском университете (К истории естествознания в России второй половины XIX в.) // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. Вып. 2. М., 2004. С. 139–162.

² *Бабий Т. П. и др.* Биологи. Биографический справочник. Киев, 1984. С. 79.

одним из первых в России историков естествознания, который... положил начало этой отрасли знания в России»³. Однако историко-научное наследие Богданова до сих пор ни разу полностью не исследовалось. Может быть, ситуация сложилась бы иначе (хотя история не знает сослагательного наклонения), если бы вышли в свет подготовленные Богдановым «Лекции по истории зоологии»⁴.

Среди основных историко-научных публикаций Богданова следует назвать очерк «Карл Францович Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Московском университете», четырехтомные «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России», двухтомную «Летопись зоологических трудов» и нерегулярно публиковавшиеся вступительные лекции к курсам зоологии, которые Богданов читал на естественно-историческом и медицинском факультетах Московского университета⁵. Кроме того, в личном архиве Богданова хранится незавершенная рукопись «Исторический очерк Общества с 1863 по 1880 гг.»⁶ и ряд интересных рукописных фрагментов, также имеющих отношение к истории науки.

Говоря о компилятивном характере крупных зоологических трудов Богданова, его ученик Д. Н. Анучин пишет:

Не могу судить, было ли общее направление деятельности А. П. [Богданова. – Г. К.] согласно со взглядами и стремлениями Рулье; фактически оно выразилось иными задачами и результатами. В одном только оно представляло сходство, это, именно, в отсутствии частных специальных исследований. Не мог, однако, А. П. не сознавать, что без частных исследований немислимо движение вперед науки... Скорее надо думать, что подобные специальные и по необходимости кропотливые исследования не возбуждали в нем интереса, или что он не обладал необходимой для них практической подготовкой, или, наконец, он не имел достаточного для того времени...⁷.

Легкое неодобрение, определенно чувствующееся в этом фрагменте (подчеркнем, что он взят из некролога Богданова), заметно во всем, что писал

³ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 429.

⁴ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. № 65–67.

⁵ Богданов А. П. Карл Францович Рулье и его предшественники по кафедре зоологии в Императорском Московском университете // Известия Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1885. Т. 43. Вып. 2. С. 1–215; Богданов А. П. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1888), т. 1–4 // Там же. 1888–1892. Т. 55, 57, 70, 71; Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888). Т. 1. Фаунистические работы Общества / Сост. А. Богданов // Там же. 1888. Т. 54; Т. 2. Анатомические и эмбриологические работы Общества // Там же. 1890. Т. 59; Богданов А. П. Животные по отношению к человеку и медицине (вступительные лекции к курсу зоологии для медиков, читанные на медицинском факультете Московского университета в августе и сентябре 1875 года проф. А. П. Богдановым). М., 1876; Богданов А. П. Соотношение в историческом развитии зоологических и медицинских учений. Вступительные лекции в курс зоологии для медиков, читанные в Московском Университете в сентябре 1876 года проф. А. П. Богдановым. М., 1876.

⁶ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 13–24.

⁷ Анучин Д. Н. Некролог А. П. Богданова // Д. Н. Анучин. О людях русской науки и культуры. М., 1950. С. 246.

Анучин о своем бывшем учителе, стараясь, как это ни печально, несколько принизить его заслуги и отчасти приписать себе его достижения. Даже в своей юбилейной речи, посвященной пятидесятилетию ОЛЕАЭ, он умудрился вдвое сократить срок президентства Богданова в обществе ⁸, хотя не мог забыть точную дату его ухода с поста президента, так как сам сменил его на этой должности. Взаимоотношения этих двух ученых были очень непростыми, особенно в последнее десятилетие жизни Богданова. Они могли бы дать сюжет для целого романа, но вряд ли здесь уместно подробно останавливаться на них. Понятно одно: объяснениям Анучина, особенно касающимся отсутствия «необходимой практической подготовки», полностью доверять не стоит. И хотя этот вопрос слегка уводит в сторону от главной темы статьи, все-таки попробуем в нем разобраться и обратимся для этого к некоторым фактам биографии Богданова.

Начать стоит с того, что Богданов был подкидышем (отсюда и его фамилия), и это обстоятельство, по его собственному признанию, существенно повлияло на формирование его характера ⁹. Он, с одной стороны, стыдился этого, а с другой – был достаточно самолюбив, чтобы во всех своих делах стараться превзойти окружающих и доказать им, что он ничем не хуже. Б. Е. Райков по этому поводу замечает: «...у самолюбивого и гордого юноши развилась необычайная мнительность по отношению к окружающим и страстное желание тем или иным способом “выбиться в люди”». И далее: «...Богданова увлекал не только интерес к научному знанию. Он считал, что, кроме всего, наука для него – единственное средство прикрыть порок своего происхождения» ¹⁰.

По документам Анатолий Петрович Богданов родился 1 (13) октября 1834 г. Именно в этот день в сторожке церкви села Богородского в Нижегородском уезде Воронежской губернии был найден новорожденный младенец. Первые годы своей жизни он воспитывался в доме воронежской помещицы Е. Ф. Татариновой, а после ее смерти всю заботу о мальчике взяла на себя мать Татариновой, княгиня Г. Н. Кейкуатова. Богданов называл княгиню бабушкой, а она заботилась о нем как о родном сыне и всю жизнь поддерживала его нравственно и материально во всех его начинаниях. Некоторые биографы Богданова считают (и небезосновательно), что именно она была его родной матерью, а отцом – архиерей Воронежский и Задонский Антоний (Смирницкий), славившийся, кстати, удивительными организаторскими способностями. Полагают, что именно ему Богданов был обязан своими талантами организатора ¹¹. Тем не менее, по документам, он принадлежал к крестьянскому сословию, и княгиня платила за мальчика подати и повинности как за крепостного крестьянина. Из реестра Воронежской казенной палаты он был исключен только осенью 1855 г., когда окончил университет со степенью кандидата, что давало ему право на чин X класса. И это был еще один из поводов чувствовать себя не на месте на протяжении всей учебы.

⁸ Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1863–1913 / Сост. В. В. Богданов. М., 1914. С. 19.

⁹ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 86. Л. 3.

¹⁰ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 220–221.

¹¹ Там же. С. 209–211.

*А. П. Богданов,
начало 60-х гг. XIX в.*

В 1851 г. Богданов окончил Воронежскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. На третьем курсе он написал сочинение «О признаках для определения формаций осадочных пород». Это сочинение было удостоено серебряной медали университета и высоко оценено профессором геологии Г. Е. Шуровским, тем более что оно было написано студентом, еще не приступившим к изучению геологии (ее преподавание на факультете начиналось лишь на четвертом курсе)¹². Судьба двух последующих оригинальных научных исследований, выполненных Богдановым, сложилась не столь удачно.

Его первое самостоятельное зоологическое исследование, которое, по его собственным словам, он начал «еще в студенчестве и без всяких посторонних указаний»¹³, было посвящено наблюдению за развитием циклопов. Богданов впервые

показал наличие у этих животных полного дробления, в противоположность бытовавшему тогда мнению, что для яиц всех ракообразных характерно неполное дробление. Результаты этой работы он представил в Московское общество испытателей природы (МОИП), где к ним отнеслись весьма скептически и посчитали ошибочными в значительной степени еще и потому, что сопровождавшие работу рисунки были выполнены весьма небрежно (это Богданов и сам признавал). Только благодаря адъюнкту Харьковского университета С. С. Щеглеву (он был не зоологом, а ботаником), заинтересовавшемуся этим исследованием и изучившему препараты Богданова, небольшая выдержка из работы все же была опубликована в трудах МОИП. Богданов с горечью писал в «Автобиографии», что, когда впоследствии полное дробление желтка у циклопа (отмеченное Богдановым) обнаружил немецкий зоолог К. Клаус, «благодаря строгости рецензентов Общества испытателей природы» к его первому труду, наблюдение его «осталось в науке за другим, так как никто потом никогда не хотел обратить внимания на заметку, помещенную в смеси журнала *Bulletin des Naturalistes de Moscou*»¹⁴.

С магистерской диссертацией также возникли проблемы. Окончив в 1855 г. университет со степенью кандидата и сдав в 1856 г. магистерские экзамены, Богданов отправился в заграничную командировку (средствами на эту поездку его снабдила княгиня Кейкуатова), чтобы заняться научными исследованиями для диссертации и выполнить некоторые поручения Комитета акклиматизации животных и растений, секретарем которого он в то время являлся.

¹² Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 86. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Там же.

Тему магистерской диссертации – «О цветности пера птиц» – предложил Богданову его учитель К. Ф. Рулье.

Защита состоялась в Московском университете в 1858 г., через полтора месяца после смерти Рулье. Рулье все-таки успел написать положительный отзыв на труд Богданова, но на самой защите профессор сравнительной анатомии Н. А. Варнек, профессор ботаники А. Г. Фишер и зоолог Н. П. Вагнер выступили с отрицательными отзывами (эта история подробно описана у Б. Е. Райкова). Критика была очень жесткой. Но вызвало ее не качество работы (оно было достаточно средним). Главной целью критиков была зоологическая школа Рулье как таковая. Богданов же, со свойственной ему мнительностью, воспринял ее как выпад лично против себя. Позже, вспоминая эту историю, он писал о себе: «Не более счастлив был Богданов и с своим первым трудом о цветности, в котором один из рецензентов его не находил никаких достоинств, хотя другой (проф. Рулье) считал его достойным особого внимания»¹⁵. И далее: «Эта тяжелая борьба тяжело отозвалась на здоровье Богданова и на его отношениях университетских, в которых у многих из своих товарищей он находил к себе злобу, доходившую до мании. Бранить и делать демонстрацию против Богданова считалось тогда у многих выражением отставания истинной науки от врывания непризнанных деятелей»¹⁶.

Тем не менее факультет присудил Богданову искомую степень, и он, в обход ряда других претендентов на кафедру зоологии, был сразу же назначен на место своего покойного учителя, сначала и. о. адъюнкта, в 1860 г. – адъюнктом, а в 1863 г. – исполняющим должность экстраординарного профессора и директором университетского Зоологического музея.

И все же эта история не прошла даром. Зная самолюбивый характер Богданова, можно предположить, что двух неудач было достаточно, чтобы зоологические исследования потеряли для него свою привлекательность. Не то чтобы он от них совсем отказался, но статей на эту тему, за небольшим исключением, не публиковал. Здесь, кстати, можно заметить еще одно сходство в научной судьбе Богданова и его учителя Рулье, но совсем не то, о котором писал Анучин. Рулье тоже перестал заниматься геологией после своего знаменитого спора с И. Б. Ауэрбахом¹⁷. Рулье обратился к зоологии, а Богданов в аналогичной ситуации предпочел писать работы общего, обзорного характера, тем более что две его первые брошюры, посвященные истории создания и работе Комитета акклиматизации животных и растений при Московском обществе сельского хозяйства, были приняты очень благожелательно. Эти работы, опубликованные в Париже в 1857 г., принесли ему известность среди французских ученых и стали первым опытом историографического исследования, который он успешно развил позже в отношении деятельности основанного им Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Анализ опубликованных работ и рукописей Богданова показывает, что закономерности развития науки и процесс накопления зоологического знания интересовали его в гораздо большей мере, чем это принято считать. Богданов рассматривал изучение истории и предметной структуры науки как важную

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Райков. Русские биологи-эволюционисты... Т. 3. 1955. С. 97–136.

составную часть учебного предмета, вводящую слушателей в курс дела и позволяющую им лучше понять изучаемую ими дисциплину. Он полагал, что знакомство с историей собственной науки крайне полезно для начинающих ученых, так как это не только дает им общее представление о той науке, которой они собираются заниматься, но и «наглядно показывает, с каким трудом и в какой необходимой последовательности вырабатываются научные истины»¹⁸.

В первой же своей университетской лекции, состоявшейся 4 октября 1858 г., Богданов уделил значительное внимание предмету и месту зоологии в системе наук: «Изучение жизни животных во всем видимом ее разнообразии, изучение сродства частных форм животного царства и соотношение их строения с образом жизни, исследование исторического развития животной жизни на земле, первых членов того ряда, последнее звено которого выражается в современном нам географическом размещении животных, и, наконец, познание общих законов, управляющих зоологическим миром, – вот то разнообразие точек зрения, которое составляет содержание нашей науки». В качестве главных разделов зоологии он выделил систематику животных, занимающуюся изучением «групп животного мира, их строения и связи с образом жизни, с тою средою, в которой живет животное», и палеонтологию, которая позволяет уяснить «преемственность животной жизни» и «знакомит нас с первыми членами тех явлений животной жизни, последнее звено которых мы видим в современном нам географическом размещении животных, как необходимое следствие предшествовавших явлений». Главенствующую же роль он отвел «познанию общих законов» – общей зоологии, «которая составляет венец, конечную цель зоологии»¹⁹.

Успех этой лекции был крайне важен для Богданова, и не просто потому, что это была его первая лекция в университете. От того, какое впечатление произведет она на слушателей, во многом зависела его будущая карьера. Дело в том, что назначение Богданова на кафедру зоологии в качестве преемника Рулье вызвало недовольство части профессоров, считавших, что была нарушена процедура. Богданова даже собирались освистать. К счастью, эта демонстрация не состоялась. Лекция прошла блестяще²⁰.

Полные тексты первых курсов лекций, которые Богданов читал в университете, не сохранились, но некоторое представление о них можно получить из «Зоологии и зоологической хрестоматии»²¹. Это учебное пособие для средних учебных заведений издавалось отдельными выпусками и по существу представляло собой сводку лекций и лекционных конспектов Богданова. Отдельные его главы целиком посвящены истории зоологии. В них рассматриваются общие вопросы, связанные с развитием учения об эволюции и научного метода в зоологии, излагаются взгляды Г. В. Лейбница, Ш. Бонне, Э. Жоффруа Сент-Илера, Ж.-Б. Ламарка, Л. Окена и др. на разнообразие и развитие живых существ и дается краткий обзор истории изучения отдельных групп

¹⁸ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

¹⁹ Богданов А. П. Вступительная лекция исправляющего должность адъюнкта по кафедре зоологии А. П. Богданова, читанная 4 октября 1858 г. в Московском университете. М., 1858.

²⁰ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 4, 88.

²¹ Богданов А. П. Зоология и зоологическая хрестоматия в объеме средних учебных заведений. Отд. I–III. М., 1862–1865.

животных. Пока это лишь беглые заметки, подробнее этими вопросами Богданов займется позже.

Некоторые лекции, в разные годы прочитанные Богдановым на естественном и медицинском факультетах, выходили отдельными выпусками и печатались в «Московских ведомостях» и «Медицинской газете». С точки зрения истории науки наибольший интерес представляют две из них: «Животные по отношению к человеку и медицине» и «Соотношение в историческом развитии зоологических и медицинских учений», посвященные накоплению зоологических знаний в их связи с медициной²². Главная идея, которую проводит здесь автор, это то, что научная зоология, как и другие отрасли естествознания, возникла на почве практических потребностей человека, в данном случае – в русле поиска лечебных средств. Кроме того, Богданов кратко прослеживает развитие зоологии и ее отдельных подразделений, более подробно останавливаясь на трудах таких выдающихся натуралистов, как Ж. Бюффон, К. Линней и Ж. Кювье.

Идеи, только намеченные в предыдущих лекциях, были развиты во вступительном курсе зоологии, который Богданов читал в университете в 1880/1881 академическом году. На основании этого курса он подготовил к изданию первое на русском языке руководство по истории зоологии. Рукопись хранится в личном фонде Богданова в Архиве РАН в Москве²³. Это руководство не носит оригинального характера. Основными источниками для его составления послужили «История зоологии» Ю. В. Каруса, «История естественных наук» Ж. Кювье, «Общая биология» И. Жоффруа Сент-Илера (изданный в 1860–1862 г. русский перевод этого труда был сделан Богдановым²⁴) и др. более специальные работы. Установить их все невозможно, так как цитаты, приводимые в рукописи, не всегда снабжены ссылками.

Рукопись состоит из трех тетрадей. Первая открывается текстом вступительной лекции к курсу беспозвоночных, прочитанной Богдановым в университете в сентябре 1880 г. Она озаглавлена «Зоология и ее отделы». Богданов разделяет все науки на естественные, «имеющие своею исходною точкою опыт и наблюдение в строгом смысле этого слова, или метод естественно-исторический», и на умозрительные, гуманитарные, «имеющие дело с проявлениями духовной жизни человека, не поддающиеся по произволу опытной проверке и следующие методу умозрительному»²⁵. Исходя из того, что в природе «существует мир звездный, минералы, растения и животные, к которым своею физическою стороною примыкает... и человек», он выделяет четыре основные «науки естествознания» – астрономию, минералогию, ботанику и зоологию, «кои могут тоже подразделяться смотря по различным исходным точкам изучения и по методу исследования предметов каждой науки»²⁶. Но если первые три все же сохраняют свою целостность из-за сравнительной простоты вопросов, подлежащих их

²² Богданов. Животные по отношению к человеку и медицине... М., 1876; Богданов. Соотношение в историческом развитии зоологических и медицинских учений... М., 1876.

²³ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 65–67.

²⁴ Общая биология Изидора Жоффруа Сент-Илера / Пер. Анатолия Богданова. Т. I–II. М., 1860–1862.

²⁵ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 65. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 2.

обсуждению, и подразделяются лишь на частные рубрики, а не на отдельные науки, «почти упразднившие коренную науку», то зоология из-за сложности ее явлений и невозможности сразу установить связь между ними оказалась состоящей из наук, часто мало связанных друг с другом. Богданов считал, что такой результат «раздробления науки и уничтожения ее целостности в самостоятельном развитии частей – дело в конце концов ненормальное, долженствовавшее иметь конец при большем развитии знания. Это и случилось в настоящее время, когда только специалисты могли сохранить свои исторически выработанные подразделения на эмбриологов, гистологов, палеонтологов и т.д.». И далее продолжает: «Для совокупности всех наших знаний о животных, выработанных частными отделами науки и частными методами, опять пришлось восстановить зоологию в ее естественных правах быть полною и законченною историею всей совокупности животного царства вообще и всех типических форм животных в частности»²⁷. Именно в этом «широком и единственно соответствующем ей смысле» Богданов и понимал современную ему зоологию.

Науки внутри зоологии он подразделяет, как и ранее, на морфологические и биологические. Морфологические науки исследуют форму и строение организмов, вид и расположение их органов и т. д., но ничего не говорят об их отправлениях. Эти науки составляют предмет частной зоологии. Биологические науки изучают не строение, но обусловленное строением проявление жизни животного. Примером тому может служить физиология, исследующая физические и химические проявления жизни. К этим двум группам примыкает мерология, или наука о среде, включающая изучение закономерностей как географического, так и исторического распространения животных. Среда при этом понимается в самом широком значении как все воздействующие на организм элементы. «Совокупность выводов, полученных мерологическим и биологическим учением о животных, составляет зоологию, или науку о животном царстве вообще»²⁸. Для Богданова «...зоология стоит на самой вершине их [естественных наук. – Г. К.] и заканчивает собою цикл естествознания, если только, как это принимает... теперь большинство зоологов, человек по своему физическому строению и своей материальной жизни венчает собою зоологическую лестницу»²⁹.

Основной текст рукописи составляют 19 лекций (глав), главы 7 и 15 отсутствуют. Первая глава – это введение в историю зоологии. В ней дается общая характеристика курса, его цели и задачи. Развитие научного знания, его преемственность Богданов уподобляет развитию живого организма и дает свое видение соотношения научного факта и теории:

Не в одной только истории развития организмов замечается безусловный ход последовательного развития и закон происхождения последующего из предыдущего, это ясно вытекает также и из развития человеческой мысли, человеческой науки. История науки убеждает также в вечном повторении во все периоды одного и того же: борьбы фактического направления с философским и истинный успех науки в взаимном уравнивании их. Ум человеческий, везде и в зоологии идет не по прямой линии, а по диагонали двух

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 14–17.

²⁹ Там же. Л. 16.

сил, из коих одна фактическое изучение природы, а с другой творческое философское обобщение ³⁰.

Далее в первой тетради (лекции 1–7) излагаются зоологические знания древности от «первобытного утилитарного периода» до зоологии «западного древнего классического периода». Вторая тетрадь (лекции 8–14) охватывает период от Средневековья до начала XVIII в. В ней рассматриваются зоологические знания Средневековья, периода энциклопедистов, зоологические, анатомические и зоотомические работы XV–XVI столетий, развитие микроскопических исследований в зоологии и зоологические работы XVII – начала XVIII вв. Третья тетрадь (лекции 16–19) посвящена теориям соотношения животных форм в XVII–XVIII вв. и анализу жизни и деятельности Ж. Бюффона и К. Линнея. По широте охвата материала, подробности его изложения это был фундаментальный труд. К сожалению, по каким-то причинам он остался незавершенным и не был опубликован. Таким образом, появление истории зоологии на русском языке отодвинулось на многие десятилетия.

Наиболее плодотворными с точки зрения истории науки в творчестве Богданова были 80-е – начало 90-х гг. В этот период он создал и опубликовал свои основные труды, где он выступил не только как историк науки, но и как летописец научной жизни Москвы. Именно в эти годы он приступает к созданию истории Общества любителей естествознания, готовит к печати работу о Рулье, «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России» и «Летопись зоологических трудов».

Самым известным историко-научным трудом Богданова является его очерк о Рулье. Когда в 1881 г. в ОЛЕАЭ было образовано отделение зоологии, Богданов открыл его первое заседание речью, посвященной своему учителю, а несколькими годами позже опубликовал в «Известиях» ОЛЕАЭ большое исследование, в котором назвал Рулье «первым русским предшественником Дарвина» ³¹. Но эта книга не только о Рулье. В ней дается достаточно полная и широкая картина развития естествознания и естественно-научного образования в России. В первой части Богданов подробно рассказывает о деятельности первых профессоров натуральной истории Московского университета: М. И. Афолина, И. А. Сибирского, Ф. Г. Политковского, А. А. Прокоповича-Антонского. Отдельная глава посвящена вкладу Г. И. Фишера-фон-Вальдгейма в развитие естествознания в России, затем рассмотрена ученая и учебная деятельность И. А. Двигубского, М. А. Максимовича, А. Л. Ловецкого, Г. Е. Щуровского и И. Т. Глебова. Текст изобилует обширными выдержками из изданий, многие из которых уже во времена Богданова были большой редкостью. В введении по этому поводу он пишет:

Подготовка к составлению исторического очерка деятельности Рулье, и особенно его предшественников, поглотило у меня довольно значительное время, не столько по массе сочинений, требовавших ознакомления с ними, сколько по трудности отыскать многие из них... Затруднения, встреченные мною, навели меня на мысль собрать все особенно характеристичное из сочинений московских зоологов первого столетия существования университета и издать этот материал в виде систематической сводки ³².

³⁰ Там же. Л. 18.

³¹ Богданов. Карл Францович Рулье и его предшественники по кафедре зоологии... С. 177.

³² Там же. С. V.

Обложка книги А. П. Богданова
«Карл Францович Рулье», 1885 г.

По мысли автора, это издание призвано было не только дать общую картину развития естествознания в университете, но и «облегчить труд тех, которые впоследствии могут заинтересоваться вопросом о развитии зоологических трудов в Московском университете в первое столетие его существования»³³.

Вторая часть книги посвящена научной, преподавательской и популяризаторской деятельности Рулье. Известный и очень популярный в Москве профессор – Рулье быстро был забыт публикой после смерти. В этом смысле Богданов повторил его судьбу. Только у него не нашлось ученика, который взял бы на себя труд написать книгу о нем и о том, что он сделал для русской науки. Райков отмечает: «Книга появилась через четверть века после смерти Рулье, когда о нем успели уже основательно забыть. Если прибавить к этому, что сочинения Рулье, раз-

бросанные по журналам, не были изданы и, кроме нескольких некрологов, о нем ничего до того времени не было написано, то можно сказать, что Богданов в буквальном смысле слова воскресил память о своем покойном учителе»³⁴. Оценивая роль и значение Рулье для развития научной мысли в России, Богданов писал: «Историк русского общественного сознания не только не забудет... Рулье, но, несомненно, отведет ему почетное место в числе двигателей русского научного развития, в числе русских ученых мыслителей, руководителей общества»³⁵.

Еще в период подготовки Антропологической выставки Богданов начал работу над еще одним историко-научным трудом, который он озаглавил «Исторический очерк Общества с 1863 по 1880 гг.»³⁶. Отдельные фрагменты этого сочинения находятся в личном архиве Богданова. Как видно из приложенного к ним плана, в первом разделе Богданов собирался дать общий обзор деятельности ОЛЕАЭ за указанные годы, особо остановившись на организации выставок и музеев, публичных чтениях, научных экспедициях, изданиях общества и других аспектах его деятельности. Второй раздел отводился зоологическим исследованиям членов общества, а последующие пять – соответственно антропологическим, этнографическим, ботаническим, геологическим и физическим исследованиям, проведенным в рамках ОЛЕАЭ.

³³ Там же.

³⁴ Райков. Русские биологи-эволюционисты... С. 311.

³⁵ Там же. С. 173.

³⁶ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 13–24.

Из трех сохранившихся фрагментов первый посвящен истории основания ОЛЕАЭ, а два других – соответственно истории организации Этнографической и Политехнической выставок. Тексты этих последних в основном повторяют ранее опубликованные материалы ³⁷. Что касается первого фрагмента, озаглавленного «Основание Общества любителей естествознания», то он представляет большой интерес, потому что в нем Богданов пытается рассказать об обстоятельствах, заставивших его пойти на создание при Московском университете второго общества естествоиспытателей и ответить на те обвинения, которые высказывались по отношению к нему лично и организованному им обществу на протяжении почти двух десятилетий. Вероятно, впоследствии из работы над зоологическим разделом этой рукописи и выросла двухтомная «Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.)». Ее первый том – «Фаунистические работы Общества» – был издан в 1888 г., второй – «Анатомические и эмбриологические работы Общества» – через два года, в 1890 ³⁸.

Надо сказать, что политика Общества любителей естествознания с самого его основания носила открытый, публичный характер. В России не было другого научного общества, которое бы столь детально освещало свою деятельность. Это был огромный труд. Ведь надо было не только подготовить протоколы к печати, но и еще найти деньги на их издание. Основная заслуга в этом несомненно принадлежит Богданову. Уже в 1866 г. он издал в «Известиях Общества любителей естествознания» первый большой том, где собраны все материалы о деятельности общества за предшествующие три года ³⁹. В 1869 г. последовал второй том ⁴⁰, а далее протоколы стали выходить ежегодно. Не менее подробно освещалась деятельность ОЛЕАЭ по организации выставок ⁴¹.

В «Летописи» собраны те фрагменты опубликованных ранее протоколов, которые имеют отношение к зоологии. Основной текст предваряет написанное Богдановым вступление, где он размышляет о том, как можно совместить объективность изложения и личную вовлеченность историка в события, и чем летопись должна отличаться от мемуаров и личных биографий. Он пишет:

С самого основания Общества непрерывно участвовал я, так или иначе, в ходе зоологических работ его, весьма значительная доля их осуществлялась непосредственно перед моими глазами в Зоологическом музее университета работавшими там лицами, а некоторые из них и по моей инициативе... Это об-

³⁷ См. например: Этнографическая выставка 1867 г. Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии / Ред., вступит. статья А. П. Богданов // Известия ОЛЕАЭ. Т. 29. Вып. 1. 1878. С. 1–93.

³⁸ Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888). Т. 1. Фаунистические работы Общества / Сост. А. Богданов // Там же. 1888. Т. 54; Т. 2. Анатомические и эмбриологические работы Общества / Сост. А. Богданов // Там же. 1890. Т. 59.

³⁹ Протоколы заседаний Общества с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. / Сост. А. П. Богданов // Там же. Т. 3. Вып. 1. 1866.

⁴⁰ Протоколы заседаний Общества с 15 октября 1866 г. по февраль 1869 г. / Сост. А. П. Богданов // Там же. Т. 3. Вып. 2. 1869.

⁴¹ См. например: Этнографическая выставка 1867 г.; Материалы по истории Антропологической выставки, собранные А. П. Богдановым // Там же. Т. 49. Вып. 2. 1886. С. 1–184.

А. П. Богданов (сидит в центре) в кругу учеников, начало 80-х гг. XIX в.

легчало задачу в некоторых отношениях, ибо весь ход дела и все его частности были мне хорошо известны, и в моем личном архиве собрано много пояснительных материалов к напечатанному... Но эта же близость к делу и становилась затруднительною потому, что требовалось быть вполне объективным. Нужно было писать не личные впечатления, останавливаться не на том, что мог бы высказать и что могло бы иметь не один только протокольный интерес, но что, однако же, переводило бы труд в область мемуаров и автобиографий ⁴².

Именно поэтому он решил ограничить «Летопись» только официальными фактами, сообщаемыми в изданиях общества, при этом не редактируя их и сохранив всю их специфику. И действительно в дальнейшем изложении авторские комментарии сведены до минимума, а отношение автора проявляется лишь в выборе и компоновке материала, более или менее подробном описании тех или иных событий.

По мнению Богданова, «Летопись» – это не только дань уважения Обществу, но в первую очередь справочное издание, недостаток в которых так ощущается в России и которые необходимы «для полной и скорой (это тоже важно) ориентировки в области литературы... так как у нас нет еще ежегодных обзоров, т. е. того, что немцы называют отчетом (Bericht)...» ⁴³. Он подчеркивает, что ученые общества обязаны взять на себя работу по подготовке таких систематических обзоров, так как новая научная информация по преимуществу сосредоточена в их изданиях. Богданов рассматривает свою «Летопись» как первую попытку такой систематизации.

⁴² Летопись зоологических трудов Общества. Т. 1. [Предисловие], б/п.

⁴³ Там же.

«Летопись» начинается с введения, в нем дается общий очерк зоологической деятельности Общества любителей естествознания с первых дней его существования. Деятельность общества разделена на три основных периода. Характеристика каждого из них подкрепляется выдержками из отчетных докладов на годичных собраниях общества.

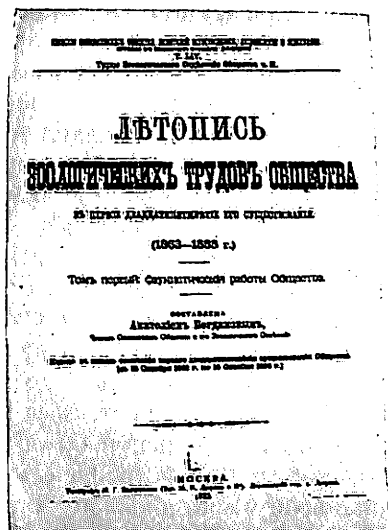
Первый период охватывает деятельность общества от его основания в 1864 г. до завершения Туркестанской экспедиции в начале 1870-х гг. и включает проведение первых зоологических экскурсий в Московской губернии, организацию энтомологической комиссии, участие в сельскохозяйственной выставке 1865 г., а также последующее расширение зоологической деятельности: разработку плана и организацию Туркестанской экспедиции, начало морских зоологических экспедиций (черноморской, балтийской и беломорской), проект создания московских аквариумов и проект выставки прикладного естествознания (позднее осуществленной как Политехническая).

Второй период – с начала 70-х до начала 80-х гг. – включает устройство зоологического отдела Политехнической выставки и сбор зоологических экспонатов для Антропологической выставки, обработку материалов и издание трудов Туркестанской экспедиции; расширение издательской деятельности (публикация сочинений А. Ф. Брандта, Н. В. Бобрецкого, К. Ф. Кесслера и др.), изучение опыта организации зоологических садов за границей и т. д.

Третий период начинается с организации при обществе специального зоологического отделения. Значительное внимание Богданов уделяет основным направлениям деятельности отделения и проблемам, с которыми оно столкнулось в первые годы своего существования.

Далее подробно рассматриваются труды общества по изучению фауны Московской и прилегающих к ней губерний. Отдельно выделен раздел по изучению фауны озер и рек Московской губернии, проводившемуся в соответствии с программами, разработанными Н. В. Насоновым и Д. Н. Анучиным.

Последующие разделы посвящены описанию Туркестанской экспедиции А. П. Федченко, другим экспедициям, организованным обществом в различные регионы России (на Кавказ, в Крым и Бессарабию, на Соловецкие острова, Новую Землю, в Сибирь и т. д.), и участием членов общества в морских экспедициях (Черное, Эгейское, Средиземное, Белое и Балтийское моря), а также в экспедициях по изучению фауны Арала. Далее рассматривается деятельность общества по пополнению коллекций Зоологического музея университета и по прикладной зоологии (совместно с Обществом акклиматизации).

Обложка книги А. П. Богданова «Летопись зоологических трудов общества», 1888 г.

Одновременно с «Летописью» увидело свет еще одно масштабное издание, к его идее Богданов пришел в процессе работы над «Медицинской зоологией»⁴⁴ – наиболее известным из написанных им учебных пособий. По замечанию Райкова, «Это очень своеобразная книга, которая имеет мало общего с курсом медицинской зоологии, и представляет собой сводку конспектов из иностранной литературы по цитологии и эмбриологии, без всяких комментариев со стороны составителя. Трудно представить себе медика, которому могло бы понадобиться это громоздкое собрание сырого материала, занимающее около полутора тысячи страниц, хотя это только введение в курс зоологии»⁴⁵. Не знаю, как медики, а историки науки должны оценить это издание скорее положительно, так как, по свидетельству Богданова, именно в процессе сбора материалов для второго тома «Медицинской зоологии», когда он должен был не только просмотреть, но и сделать конспекты по работам русских зоологов за истекшее тридцатипятилетие, у него накопился материал для довольно большой по объему работы библиографического характера. Эта «работа библиографического характера» стала одним из наиболее значительных и масштабных историко-научных изданий XIX в. – четырехтомными «Материалами для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.)»⁴⁶, представлявшими собой одновременно биографический справочник, портретную галерею и библиографию трудов русских зоологов.

Отбор персоналий для этого издания был предельно демократичным и широким. Богданов не собирался ограничиваться только маститыми, известными учеными. В предисловии к первому тому он писал: «Альбом предполагается сделать по возможности полным, т. е. не ограничиваясь исключительно лицами, долгим трудом заслужившими себе – уважение, а почет – своей стране, представить возможность каждому интересующемуся развитием зоологии в России иметь сведения также и о начинающих зоологах, ибо они надежда науки и их труды составляют постоянное и существенное обогащение научной зоологической литературы в дальнейшем ее росте и развитии»⁴⁷, а также «молодых, рано похищенных смертью зоологов, ибо вина случая, что они утеряны были для русской науки, и долг ее сохранить о них добрую память»⁴⁸. Кроме того, справочник, по мысли его издателя, не должен был ограничиваться «чистыми» зоологами-профессионалами. В него предполагалось включить биографии всех, кто «или деятельно участвовали в изданиях русских ученых обществ и поместили в них самостоятельную работу, или же напечатали какое-либо самостоятельное научное исследование в изданиях Академии, университетов или в форме отдельных диссертаций»⁴⁹, а также представителей других областей естествознания: гистологов, физиологов, палеонтологов и химиков, издавших исследования по физиологической химии, «ибо, – как отмечалось в предисловии, – все они трудятся, в своем

⁴⁴ Богданов А. П. Медицинская зоология. Т. 1–2. М., 1883–1888.

⁴⁵ Райков. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина... Т. 4. С. 320.

⁴⁶ Богданов. Материалы для истории научной и прикладной деятельности... // Известия ОЛЕАЭ. 1888–1892. Т. 55, 57, 70, 71.

⁴⁷ Там же. 1888. Т. 55. С. III.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

конечном результате, для зоологии в ее широком современном значении»⁵⁰.

Впервые идею создания справочника Богданов высказал на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ 23 апреля 1886 г. Она получила поддержку общества, и в 1887 г. от имени отделения был разослан циркуляр с приложением первого пробного выпуска «Материалов» и анкеты, содержавшей 10 вопросов: «1) Имя, отчество и фамилия. 2) Год рождения, день рождения и место его. (Если возможно: сведения о родителях). 3) В каком среднем заведении получил воспитание? С какого года по какой? 4) В каком университете слушал лекции, когда и у кого особенно занимался? Не было ли студенческих работ, напечатанных или награжденных медалью? 5) Был ли за границу, когда именно, где, чьи лаборатории посещал? 6) Место служения, с какого года по какой? 7) Какие звания нес по учебной и ученой службе и несет? 8) Каких ученых обществ состоит членом? 9) Какие премии, медали и прочие ученые награды получал? 10) Какие сочинения напечатал по зоологии, антропологии и соприкасающимся с ними наукам?»⁵¹. Ответы на вопросы этой анкеты и должны были составить содержание публикуемых статей.

Первый том «Материалов» вышел в 1888 г. и включал 74 биографических очерка и 12 таблиц портретов. В работе над статьями этого и последующих томов (они были изданы в 1889, 1890 и 1892 гг.) Богданову помогал его сын Еллий. Тома компоновались по мере поступления статей. Богданов считал, что этот способ «есть единственно возможный на практике без откладывания в долгий ящик составления альбома русских зоологов, да он удобен и в том отношении, что не сортирует специалистов по чинам и рангам, обстоятельство всегда несимпатичное и, в особенности, если касается деятельности живых людей»⁵². Всего в четырех томах представлены около 330 биографий и свыше 150 портретов русских ученых. К каждому тому прилагались алфавитные указатели. К сожалению, в них довольно много ошибок, а при отсутствии пагинации найти нужную статью не так-то просто. Но это мелкое неудобство не затмевает достоинств «Материалов», которые, несмотря на то, что они не были завершены, до сих пор остаются одним из наиболее полных справочников русских естествоиспытателей.

Историко-научные и библиографические работы Богданова являются очень важным источником истории зоологии в России XIX в. Значение этих работ еще не получило должной оценки, как и вклад самого А. П. Богданова в развитие русской науки.

Обложка книги А. П. Богданова «Материалы...», 1888 г.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1. Д. 95.

⁵² Богданов. Материалы для истории научной и прикладной деятельности... 1888. Т. 1. С. II-III.